

ЯАН БИСПУУ (Таллин)

ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КАРЕЛЬСКОГО ГЛАГОЛА

За последние 40 лет лингвистами разных стран создан целый ряд морфологических классификаций. Среди них есть более общие и формализованные, но встречаются и модели для какого-либо конкретного языка или группы языков. Основное различие между классификаторными моделями зависит прежде всего от того, что понимают под морфологией их создатели и как формулируют они предмет и задачи морфологии (подробнее см. Viks 1977; Викс 1978). С точки зрения практики более приемлемы те описания морфологических классификаций, в основе которых лежит конкретный язык или группа языков (Булыгина 1977; Кубрякова 1974; Мещанинов 1982).

Достижения и традиции классификаторной морфологии в области прибалтийско-финских языков по отдельным языкам весьма различны. Причины носят объективный характер: относящиеся к этой группе языки имеют очень различный социальный, культурный и исторический фон. Эстонский и финский языки располагают давними традициями литературных языков и поэтому естественно, что их исследование более развито.

В области классификаторной морфологии как в теоретическом плане, так и в практическом многое сделано в эстонском языке. Качественно новый этап в эстонской классификаторной морфологии начался в конце 1960-х годов и продолжается до настоящего времени. Его зачинателем следует считать Т.-Р. Вийтсо, который на первое место в качестве основы классификации типов словоизменения выдвинул морфологические признаки (окончания, изменения основы) и отказался от доминировавших в предыдущих классификациях признаков, характеризующих фонологическую структуру основы (число слогов, степень долготы, гласный основы) (Viitso 1969). Выдвинутые Т.-Р. Вийтсо принципы классификаторной морфологии в своей диссертации (Викс 1978) и целом ряде статей разрабатывала Ю. Викс.

Принципы классификаторной морфологии Ю. Викс характеризует то обстоятельство, что автор ее не ставила своей целью создание универсального, всеохватывающего и в то же время удовлетворяющего все потребности членения. Классификация в морфологии не является самоцелью, она представляет собой вспомогательное средство для осуществления морфологического описания, в задачу которого входит упорядочение многообразного материала наиболее целесообразным способом (Viks 1982 : 518). Как основные принципы классификации выдвигаются экономичность и наглядность (Viitso 1976 : 148; Viks 1980 : 5). Компетентности практических результатов работы Ю. Викс способствовал и обстоятельный предварительный теоретический анализ проблем. Как

залог успеха нельзя не отметить и помощь системы «машина-человек» при упорядочении и систематизировании языкового материала.

По другим прибалтийско-финским языкам либо анализировались отдельные проблемы (финский язык) либо теоретические исследования такого плана вообще не проводились (водский, ижорский, карельский языки). Исключение составляет южновепский диалект, научный анализ глагола в котором проведен А. Кяхрик (Kährik 1980). Типы глагола в ливском языке определил Т.-Р. Вийтсо.

Как уже отмечалось, научное описание словоизменительных типов глагола отсутствует и по карельскому языку. Отдельные попытки классификации глаголов предпринимались в разное время различными авторами. Ниже анализируются четыре из них (Анисимов 1939; Бубрих 1937; Беляков 1954; Hottarin 1965).

Две глагольные классификации (Анисимов, Бубрих) относятся к периоду т. н. единого карельского литературного языка (1937—1940 гг.) и носят нормативный характер. Классификации А. А. Белякова и Х. Хоттарина базируются на материале глаголов калининского диалекта (соответственно сел Толмачу и Хмелевая — *tolmaču* и *hmelova*). Ни один из классификаторов не привел принципов своего членения. Часто встречается непоследовательность, которая мешает определению каких-либо конкретных признаков.

Наиболее старая из рассматриваемых морфологических классификаций карельского глагола относится к 1937 г. Ее представил Д. В. Бубрих в своей нормативной грамматике единого карельского литературного языка (1937 : 67—78).

Д. В. Бубрих распределил глаголы на семь спряжений. Словоизменительных типов у него 12. В качестве примарных признаков классификации им использованы гласный основы супина — инфинитива на *-mah* (I—V спряжения) и число слогов в основе (VI—VII спряжения). Классифицируя глаголы, Бубрих не смог обойтись без вторичных признаков: а) число слогов — в III спряжении (*andamah* 'давать'), в IV спряжении (*lugemah* 'читать') и в V спряжении (*süömäh* 'есть'); б) гласные первого слога — тип *andamah* в первом слоге *a ~ au* и тип *lugemah* в первом слоге *e, u* перед *g, m, ht, tk, sk*; в) конкретный суффикс — в VI спряжении *-ne-* (*pagenemah* 'удирать, убежать') и в VII спряжении *-ičče-, -ačče-, -äčče-* (*mainiččemah* 'упоминать', *haravoiččemah* 'сгребать'); г) возвратность — в I спряжении (*nägümäh* 'виднеться', *avaudumah* 'открываться'); д) морфологические признаки — потенциал (*n ~ nn*) в V спряжении, имперфект (*andoi* '(он) дал', *muutti* '(он) изменил') в III спряжении, чередование, связанное с утратой гласного основы, в IV спряжении типа *muuttelemah* 'измениться' (*muuttelen* 'изменяюсь': *muuteldih* 'они изменились, изменили').

Классификация Д. В. Бубриха не избежала и исключений. В основе своей это слова, общий морфологический облик которых очень пестр по диалектам и которые нуждались в унифицировании или параллельных формах для единого литературного языка (*tundie ~ tuta* 'знать', *varata* 'бояться'). Вторую группу исключений составляют глаголы, множество форм у которых не позволило отнести их к какому-нибудь словоизменительному типу.

Как и Бубрих, так и Анисимов отдает первенство фонологическим признакам (Анисимов 1939 : 125—131). Предварительно он, правда, отмечает, что в одних глаголах основа изменяется, в других — нет, но при классификации глаголов он не идет дальше Бубриха, скорее наоборот. Классификация глагола у Анисимова имеет шесть спряжений и 11 словоизменительных типов. В большей своей части она совпадает с таковой у Бубриха, отличия есть лишь в группировании гласных основы супина.

В классификации Анисимова исключения отсутствуют. Поскольку имеется в виду школьная грамматика, можно понять, почему число вторичных признаков в классификации сведено к минимуму. Обобщая, можно отметить, что классификация Анисимова прямо следует классификации Бубриха, представляя собой ее упрощенный вариант.

Классификация глагола говора Толмачу, выполненная А. А. Беляковым, продолжает традицию фонологических основ группировки (Беляков 1954 : 80—83). Как новый признак на первое место он выдвигает число слогов в основе презенса (ср. в классификации Бубриха VI и VII спряжения). Классификация А. А. Белякова выделяет семь спряжений и 18 словоизменительных типов.

Как отмечено, в рассматриваемой классификации глаголов функцию примарного признака выполняет количество слогов в основе презенса. Первым вторичным признаком соответственно является только гласный (дифтонг) основы. В качестве дополнительных вторичных признаков выступают конкретные суффиксы, в одном случае также (тип *haravoiččetah* VII спряжения) число слогов (четыре и больше) и возвратность (показатель инфинитива *-ta*). В отношении типа *käškie* 'приказывать' : *käšše* - III спряжения речь может идти или о признаке инфинитива или о чередовании ступеней, более вероятен первый. Показатель инфинитива в качестве вторичного признака выступает и в словоизменительных типах III спряжения *šuaa* 'любить' : *suačen* 'люблю' и *voija* 'мазать' : *voičen* 'мажу'.

По сравнению с двумя ранее упомянутыми классификация А. А. Белякова объективнее и детальнее.

Из четырех рассматриваемых классификаций глаголов самая обстоятельная принадлежит Х. Хоттарину (Ф. А. Федорову). Опираясь на собранный в Максатихинском районе (Калининская обл.) материал Х. Хоттарин в своей рукописной грамматике распределяет глаголы на 29 спряжений. Словоизменительных типов у него насчитывается 94 (Hottarin 1965).

На первый взгляд может показаться, что в основу классификации положено чередование конечного звука (звуков) основы инфинитива и основы презенса. При более близком знакомстве выясняется, что это не всегда так, поскольку классификатор ни одного признака не придерживался строго. Какие-либо авторские комментарии отсутствуют. Несмотря на это, некоторые критерии классифицирования можно выделить.

Типологизация глаголов Х. Хоттарина не имеет исключений. В связи с этим восемь спряжений состоят из одного словоизменительного типа, а иногда — только из одного глагола. Вот они: *nähä* 'видеть' (2-е спряжение); *pöllättiä* 'испугаться' (4-е), *lähtie* 'идти' (7-е); *eččie* 'искать' (8-е); *viijä* 'нести' (10-е), *vuottua* 'ждать' (21-е); *viättömöidüö* 'слабеть' (27-е); *käüvvä* 'ходить' (29-е). Отдельно разбираются глаголы *olla* 'быть', *lietä* 'начинать' и *ruveta* 'приступить, начинать'.

Пять спряжений тоже практически содержат по одному типу. К ним относятся а) одним или малым числом глаголов представленные словоизменительные типы, которые, учитывая гармонию гласных основы (односложная), даны как представители разных словоизменительных типов глагола: *šuaa* 'получать' — *jiähä* 'оставаться' (1-е); *juuvva* 'пить' — *müüvvä* 'продавать' (28-е); б) 3 л. ед. ч. презенса на основе разных гласных основы (соответственно гармонии гласных): *ravissa* 'кричать' : *ravizow* 'кричит' — *križiššä* 'хрустеть' : *križižow* (13-е); *paissa* 'говорить' : *pagizow* — *möiššä* 'аукать' : *mögizow* (15-е); в) разные гласные основы, но для различения словоизменительных типов используется какой-либо иной признак (чередование ступеней?): *ambuuduo* 'застрелиться' — *ližäüdüö* 'добавиться' (25).

Подавляющая часть спряжений все же построена на чередовании гласного или основы инфинитива и презенса *i — ä*: *külmia* 'замерзать' : *külmän* 'замерзаю' (3-е); *i — i* : *šuo mie* 'привыкать' : *šuo min* (5-е); *i — e*: *imie* 'сосать' : *imen* (6-е); *u — o*: *šeizuo* 'стоять' : *šeizon* (23-е); *u — u*: *valuo* 'течь' : *valun* (24-е); *ü — ü*: *üöksüö* 'соблюдаться' — *üöksün* (26-е). Однако не всегда достаточно сопоставить основы инфинитива и презенса, различающим признаком может служить основа имперфекта. Например: *šulua* 'таять' : *šulan* : *šuliin* (20-е) и *valua* 'лить' : *valan* : *valoin* (22-е).

11-е, 12-е, 13-е, 14-е, 15-е, 16-е спряжения объединяют глаголы с основой на согласный (*l, n, r, s, š*), у которых а) гласным основы презенса выступает *-e* (присоединяется к основе инфинитива): *kabuolla* 'обнять' : *kabuolen* (11-е); *tulla* 'прийти' : *tulen* (12-е) — *kabuolla* и *tulla* отнесены к разным спряжениям без обоснований; б) конечный согласный основы инфинитива озвончается — *s → z*: *ravišša* 'кричать' : *ravizen* (13-е) или *š > ž*: *noušša* 'подняться' : *noužen* (16-е); в) в презенсе к основе инфинитива присоединяется звуко сочетание: *juošša* 'бежать' : *juokšen* (14-е); *paissa* 'говорить' : *pagizen* (15-е). В 18-м спряжении в презенсе присоединяется *-ja*: *varata* 'бояться' : *varajan* (18-е). Условно сюда могло бы относиться и 19-е спряжение (условно потому, что словоизменительный тип *puata* 'убежать, сбежать' выпадает из ансамбля), в котором основа презенса включает *-ne-*: *čülčeta* 'тупеть' : *čülčenen, oijeta* 'ссориться' : *oigenen, puata* 'убежать' : *pagenen, muššeta* 'чернеть' : *muštenen*.

9-е спряжение образуют глаголы, имеющие в основе презенса суффикс *-če-*: *ištuočie* 'сидеть' : *ištuočen, puija* 'молотить' : *puičen, vallita* 'выбирать' : *valličen*.

К 18-му спряжению относятся десять словоизменительных типов с показателем инфинитива *-ta ~ -tä* и основой презенса на дифтонг *ua* (при заднерядных гласных) или *ie ~ iä* (при переднерядных гласных). Примеры: *puhata* 'разозлиться' : *puhkuan, nühäta* 'вырывать' : *nühhtiän*.

Классификацию Х. Хоттарина несмотря на некоторую непоследовательность ее принципов в области карельского языка следует признать на данном этапе высшим достижением. Ее ценность повышает тот факт, что классификация базируется на обширном глагольном материале конкретного языкового ареала.

Анализ рассматриваемой классификации словоизменительных типов глагола позволяет сделать некоторые выводы. Примарным признаком глагольной классификации Х. Хоттарина все же следует признать чередование гласного (гласных) основы в парадигме. Детальность классификации позволяет заметить зачатки следования чередованию основы. Исходной формой выступает инфинитив. Доминировавшее в предшествовавших классификациях карельского глагола число слогов осталось в стороне. По-прежнему из круга признаков исключено чередование ступеней, хотя в два-три спряжения — очевидно, без ведома самого классификатора — просочились и его элементы. Чередование ступеней как секундарный признак (различение внутри спряжений) можно предположить в 18-м (*varata* 'бояться' : *varajan, karrata* 'танцевать' : *kargajan*), 25-м (*ambuuduo* 'застрелиться' : *ambuuvuin — ližäüdüö* 'добавить' : *ližäüvvün*) и других спряжениях.

Из четырех рассмотренных выше морфологических классификаций глагола следует, что авторы определения словоизменительных типов карельского глагола до сих пор исходили из фонологического аспекта, морфологические признаки они считали второстепенными или от них вообще отказывались. Примарными признаками выступают гласный (гласные) основы (Бубрих, Анисимов) или число слогов (Беляков, Бубрих). В

функции вторичных признаков встречаем а) гласные первого слога, б) показатели инфинитива, в) конкретные суффиксы, г) некоторые грамматические формы (имперфект, потенциал). Зачатки обращения к морфологическим признакам встречаются больше в классификации Х. Хоттарина. Научную ценность последней повышает ее большая детальность по сравнению с предыдущими.

Уже поверхностное знакомство с классификацией показывает, что для определения словоизменительных типов недостаточно учитывать лишь окончания глагольных форм. Чтобы подтвердить это, приведем хотя бы сопоставление некоторых форм двух глаголов:

Инфинитив		1 л. ед. ч. презент	1 л. ед. ч. имперфект	1 л. ед. ч. кондиционалис	Пассивный партицип в имперфекте
<i>kaivata</i>	'копать'	<i>kaivuan</i>	<i>kaivain</i>	<i>kaivazin</i>	<i>kaivettu</i>
<i>katata</i>	'накрыть'	<i>kaŋtuan</i>	<i>kaŋtain</i>	<i>kaŋtazin</i>	<i>kaŋtettu</i>
<i>kežrätä</i>	'прясть'	<i>kežriän</i>	<i>kežräin</i>	<i>kežräzin</i>	<i>kežrättü</i>
<i>hüpätä</i>	'прыгать'	<i>hüppiän</i>	<i>hüppäin</i>	<i>hüppäzin</i>	<i>hüppättü</i>

Окончания во всех формах одинаковы, хотя место их в глагольной парадигме не идентично: *kaivata*, *kežrätä* — звуковой состав основы не меняется, а у глаголов *katata*, *hüpätä* — меняется. Без учета этого факта морфологическая классификация не может служить ни теоретическим, ни практически целям.

Нетрудно подвергнуть сомнению и ценность другого примарного признака — числа слогов. Сравнение двух глаголов *juoččie* 'напиться' и *nažiŋoiččieččie* 'назваться' свидетельствует о том, что несмотря на разное количество слогов парадигмы их содержат сходные формы. Отсюда следует, что в качестве различающего признака число слогов не способно выполнять свою функцию.

Примарный признак классификации глаголов следует искать не только в окончаниях словоизменительных форм, но и в самой основе. Поскольку карельский относится к языкам с чередованием ступеней, в первую очередь необходимо учитывать изменения и чередования в основе, иными словами — чередование ступеней. Изменения основ представляют собой фонологические процессы, протекающие в основе, когда из одного ее варианта образуется другой, т. е. следует найти и сформулировать взаимосвязи между возможными вариантами одной основы. Чередование основы — по сути своей чисто морфологическое явление: чередование разных вариантов основы в морфологической парадигме (Викс 1980 : 7). Изменения основы включают в себе изменения внутренних и конечных звуков основы, причем изменения первых связаны с чередованием ступеней: *skokahtua* 'прыгать' : *skokahan*, *ambua* 'стрелять' : *ammun*. Изменения конечных звуков основы не имеют прямой связи с изменением внутренних звуков и выступают независимо от чередования ступеней глаголов.

С точки зрения чередования ступеней глаголы можно распределить на два суперкласса: с чередованием ступеней и без чередования ступеней. К последним относятся глаголы, в окончании¹ которых не встречаются смычные (единичный смычный, геминатный смычный или сочетание согласных, содержащее смычный, а также единичную или геминатную аффрикату č).

Глаголы с чередованием ступеней делятся на две группы: а) с ослаб-

¹ Под окончанием здесь понимается комбинация суффиксов, принимающая участие в звукоизменениях основы и окончания глагола.

лением основы (инфинитив — сильная ступень, презенс — слабая): *opaštua* 'учить' : *opraššan, lugie* 'читать' : *luven ~ luen; juobuo* 'пьянеть' : *juovun*; б) с усилением основы (инфинитив — слабая ступень, презенс — сильная ступень): *ličata* 'давить' : *liččuan, hüpellä* 'бежать' : *hüppelen, kumarrella* 'молиться' : *kumardelen*.

Для изучения основы и ее изменений необходимо исходить из какой-либо определенной формы. Часто в качестве таковой берется инфинитив (финский, вепский) или супин (эстонский) (см. Viitso 1976). Глагольная форма, избранная для фиксации изменений основы и окончания, должна давать наиболее экономные и наглядные исходные данные для нахождения всех остальных форм парадигмы и определения места глаголов в словоизменительных типах.

В эстонской классификаторной морфологии использованы понятия основа заглавного слова, словоизменительная основа и базовая форма. Под первой понимается форма основы у глаголов в супине, у имен — в номинативе единственного числа, поскольку это — традиционные представительные формы эстонского языка. Словоизменительная основа отличается от основы заглавного слова конечными звуками. Базовая же форма основы призвана упростить формализацию изменений основы. К базовой форме предъявляются два требования: а) в случае основ с чередованием ступеней она должна быть в сильной ступени, б) она должна включать все изменяющиеся элементы окончания основы (Viks 1980 : 8—9).

С точки зрения карельского глагола первым кандидатом при выборе будет инфинитив. Однако встречаются случаи, когда с учетом правил чередования ступеней путем аналогии оказывается невозможным образовать от инфинитива другие формы (словоизменительные основы). Сказанное относится прежде всего к глаголам с чередованием ступеней, имеющим усиливающую основу, когда от инфинитива в слабой ступени невозможно произвести презенс. Например: *katata* 'покрыться' : *kattuan, katata* 'вырвать' : *katkuan, muššeta* 'чернеть' : *muštenen, ruššeta* 'краснеть' : *ruškenen*.

Одиночный согласный инфинитива слабой ступени не позволяет определить, является ли этот гласный слабой ступенью а) геминатного смычного (аффрикаты) или б) сочетания согласных.

В карельской морфологии глагола можно различить два вида грамматических форм: базовые и словоизменительные. В данном контексте понятие базовой формы по содержанию не совпадает с использованным в эстонской классификаторной морфологии. В последней она представляет собой конструкцию, необходимую для подведения под правила изменений конечных гласных основы. (В эстонском языке основа супина не всегда оканчивается на гласный).

В качестве базовой формы в карельском языке может быть принят супин. И это по двум причинам: а) супин от глаголов с чередованием ступеней всегда имеет форму сильной ступени, а зная правила чередования, от сильной ступени всегда можно образовать формы слабой ступени (как видно из примеров, в противоположном случае это не всегда так); б) показатель супина *-mah, -mäh* всегда присоединяется к гласному основы, т. е. в супине всегда представлен необходимый для классификации гласный или конечные гласные основы. Например: *höketa* 'сойти с ума', супин *hökkenemaq*, где проявляются чередование ступени (*kk : k*) и характерный для словоизменительного типа суффикс *-ne*.

Тем самым супин в качестве базовой формы и при условии знания и применения правил аналогии наилучшим образом позволяет произвести все остальные глагольные формы парадигмы. Связь между вари-

антами основы односторонняя (от сильной ступени к слабой). Соответствия могут быть описаны как правило, которое производит из сильно-ступенной формы основы слабоступенную или из формы с гласным основы форму без такового. Получаются словоизменительные формы, каждая из которых представляет собой в аспекте классификации какой-либо признак, поэтому на начальном этапе классифицирования следует исходить из всех словоизменительных форм. В ходе дальнейшей классификации (промежуточные классификации) выясняются признаки, необходимые для морфологической характеристики того или иного словоизменительного типа (необходимые признаки), в результате оптимизации получаются признаки, которых достаточно для образования всех форм парадигмы (достаточные признаки). Подытоживая сказанное выше, отметим, что примарным признаком классификации карельского глагола следует считать чередование ступеней, секундарными признаками — изменения конечного (конечных) гласного (гласных) основы.

Язык невозможно изолировать от окружающей действительности, т. е. приступая к изучению его структуры, необходимо прежде всего определить историческую, культурную и социальную позицию данного языка в обществе. С точки зрения исследования языка важную роль играет факт наличия или отсутствия у языка письменности. От этого зависят характер и цели исследовательской работы. В языках, располагающих письменностью (например, эстонский), определение словоизменительных типов глагола несколько легче. Литературный язык всегда в какой-то мере нормирован. Чем более упорядочен язык, тем больше на задний план оттеснены в нем диалектные и иные особенности. Языковой коллектив научен и приучен использовать в соответствии с нормами те или иные морфологические формы и он в большей или меньшей мере почитает их. Совокупность глаголов зафиксирована в конкретных (конкретном) источниках (источнике) вместе с относящимися к ней нормами. Чем меньше словоизменительных типов, тем большей нормировочной потенцией обладает каждый из них. Любая новая классификация (по сути это перегруппировка словоизменительных типов) несет с собой новую расстановку акцентов в нормах.

Карельский язык не имеет письменности, это значит, что он не нормирован и классификатор не располагает текстом. Карельские диалекты существуют на уровне устной народной речи. Не составляют исключения и говоры языковых островков южнокарельского диалекта. Тем самым, приступая к классификации карельского глагола, следует иметь в виду а) отсутствие норм и других ограничений, б) различный историко-лингвистический элемент у говорящих, т. е. жители языковых островков — это выходцы из разных диалектных ареалов, в) почти четырехвековую изолированность от остальных диалектов; г) интенсивное влияние соседнего (русского) языка. Все это привело в морфологии к возникновению многих особенностей развития, что на практике означает множество разнообразных глагольных форм. Морфологическая классификация карельского глагола — это модель, средство, которое дает представление о своеобразии системы карельского глагола. Определение словоизменительных типов является не самоцелью, а ключом к изучению взаимосвязей между глагольными категориями, служит фиксации механизма системы словоизменения глагола. Таким образом: а) морфологическая классификация карельского глагола имеет не нормативный, а регистрационно-анализирующий характер; б) отсутствует прямое практическое назначение; в) классификация имеет научно-теоретическую цель; г) задача классификации — учесть формы глагола во всем их многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Н. А. 1939, Карельской киэлен грамматика. Энзимайне чуасти. Фонетика и морфология. Петрозаводска (Карельской научно-исследовательской институтта).
- Беляков А. А. 1954, Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие). — Труды Карело-Финского Филиала АН СССР, вып. 1, 67—98.
- Бубрих Д. В. 1937, Грамматика карельского языка (Фонетика, морфология), Петрозаводск (Карельский НИИ культуры и Ленинградское отделение Центрального НИИ языков и письменности народов СССР при СМ национальностей).
- Булыгина Т. В. 1977, Проблемы теории морфологических моделей, Москва.
- Викс Ю. 1978, Классификаторная модель эстонской морфологии (автоматический синтез словоформ) (Канд. дисс.), Таллин.
- Кубрякова Е. С. 1974, Основы морфологического анализа (на материале германских языков), Москва.
- Мещанинов И. И. 1982, Глагол, Ленинград.
- Karielan kirjakieli. Kieliopasašus. Hodari Hottarin kirjuttama. Vuozii 1965. (1 ч. рукописи хранится в Библиотеке Тартуского государственного университета, 2 ч. — в Научной библиотеке АН ЭССР).
- Kährrik, A. 1980, Verbide muutmismudel lõunavepsa murdes, Tallinn (ENSV TA KKI).
- Viitso, T.-R. 1969, Principles of word inflection in Estonian. — Generatiivse grammatika grupi aastakoosoleku teesid, Tallinn, 36—47.
- 1976, Eesti muutkondade süsteemist. — KK, 148—162.
- Viks, Ü. 1977, Klassifikatoorse morfoloogia põhimõtted, Tallinn (Preprint — 9).
- 1980, Klassifikatoorne morfoloogia. Verb, Tallinn (ENSV TA KKI).
- 1982, Ühest morfoloogilistest klassifikatsioonist. — KK, 517—525; 575—586.

JAAN OISPUU (Tallinn)

GRUNDPRINZIPIEN DER MORPHOLOGISCHEN KLASSIFIKATION DER KARELISCHEN VERBEN

Klassifikationen der Verben der karelischen Sprache sind in Lehrbüchern und Grammatiken zu finden, jedoch die Grundprinzipien deren Einteilung werden nicht dargelegt. In den analysierten vier Verbklassifikationen treten die phonologischen Merkmale wie Stammaslaut(e) (Bubrich, Anissimov) und Silbenanzahl (Beljakov, Bubrich) als primäre auf. Als sekundäre Klassifikationsmerkmale werden die Laute der ersten Silbe des Verbs, Infinitivzeichen, konkrete Suffixe, einige grammatische Formen (Imperfekt, Potential) angesehen. Ansätze zur Einbeziehung morphologischer Merkmale gibt es am reichhaltigsten in H. Hottarins handschriftlichen und gleichzeitig ausführlicheren Klassifikationen der Verben (29 Konjugationen, 94 Konjugationstypwörter).

Schon ein oberflächliches Bekanntmachen mit den Klassifikationen zeigt, daß Konjugationsendungen und Silbenanzahl nicht ausreichen. Das primäre Klassifikationsmerkmal gilt es im Stamm zu suchen. Da das Karelische zu den Sprachen mit Stufenwechsel gehört, muß man in erster Linie Stammveränderungen und Stammwechsel, kurz gesagt den Stufenwechsel berücksichtigen. Erst zweitrangig stehen Veränderungen, die nicht mit dem Stufenwechsel, d. h. Veränderungen des Stammaslautes bzw. der Stammaslaute, verbunden sind, im Verbparadigma im Blickfeld. Zur komplexen Untersuchung des Stammes und seiner Veränderungen muß man von irgendeiner zuverlässigen Form der sog. Basisform ausgehen, auf deren Grundlage die Flexionsformen abgeleitet werden. Im Karelischen bietet sich als Basisform der *mah/mäh*-Infinitiv (Supinum) aus zweierlei Gründen an: a) bei Verben, die dem Stufenwechsel unterliegen, ist das Supinum stets starkstufig; ausgehend von der starken Stufe kann man aber bei Kenntnis der Stufenwechselregeln immer die schwachstufige Form bilden; b) das Supinumzeichen *-mah/-mäh* fügt sich ausnahmslos dem Vokalstamm an, d. h. im Supinum treten immer der für die Klassifikation notwendige Stammvokal oder die Stammaslaute auf. Das Supinum ermöglicht am erfolgreichsten, alle übrigen Formen des Verbparadigmas abzuleiten.

Beim Klassifizieren der karelischen Verben ist folgendes zu beachten: a) das Fehlen der Normen u. a. Abgrenzungen und die daraus entstandenen sehr vielfältigen Verbtypen (in der Schriftsprache besitzen die Klassifikationen normativen Charakter); b) unterschiedliche sprachhistorische Elemente der Sprecher (Einwohner der Sprachinseln sind aus verschiedenen Dialektgebieten ausgewandert); c) die jahrhundertlange Isolierung des Eigentlichkarelischen; d) den intensiven Einfluß der Nachbarsprache (Russisch).